

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ РАН
ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЦИИ НАТО ПО ВОПРОСАМ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В этом выпуске :

РОССИЯ - НАТО: В ПОИСКАХ ПЕРСПЕКТИВЫ	1
ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ НЕОБХОДИМ	6
СМОЖЕТ ЛИ РОССИЯ УНИЧТОЖИТЬ СВОЕ ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ БЕЗ ПОМОЩИ ЗАПАДА?	9
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИЗИС ПО ПОВОДУ КОСОВО (НАТО – РОССИЯ: ИТОГИ И УРОКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ).....	12
ПОЧТИ У ЦЕЛИ. ПОЛЬША НА ПУТИ В НАТО	15

**РОССИЯ - НАТО: В ПОИСКАХ
ПЕРСПЕКТИВЫ**

Проф. Ю.П.Давыдов,
*Институт США и Канады,
гл.научный сотрудник*

Оценивая нынешние отношения Россия-НАТО в рамках Основопологающего акта, обе стороны, скорее всего, испытывают определенное удовлетворение. В самом деле, регулярно проходят сессии Совместного Постоянного Совета (СПС), встречаются министры иностранных дел и обороны, созданы российские представительства при штаб-квартире НАТО (политическое) и штабе Объединенных вооруженных сил союза в Европе (военное). В декабре 1998г. в Москве, возможно, появится военная миссия связи Североатлантического союза. В здании

ИНИОН РАН функционирует Центр документации НАТО по вопросам европейской безопасности. При СПС образованы совместные рабочие группы по миротворчеству, терроризму, нераспространению ОМУ и др. В рамках Совета были обсуждены вопросы сокращения, хранения, нераспространения ядерного оружия, военной стратегии, оборонной политики и военных доктрин, сотрудничества в области производства вооружений. В мае 1998г. на сессии Североатлантической ассамблеи парламентарии России (присутствующие на сессии) и стран-членов НАТО создали совместную рабочую группу (по семь представителей с каждой стороны) по наблюдению за развитием отношений между Россией и НАТО, она будет собираться дважды в год. 28 мая 1998г. СПС опубликовал заявление, осудившее проведение ядерных испытаний Индией и Пакистаном. На протяжении текущего года в рамках СПС трижды обсуждалась ситуация в Косово. Позиции России и НАТО по будущему статусу Косово не расходятся, однако есть различия в путях его достижения.

ВЕРХУШЕЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.

Вместе с тем, после подписания Основопологающего акта те, кто видел в нем программу совместных действий, а не декларацию, ожидали большего - какого-то прорыва во взаимоотношениях партнеров на уровне военных и прочих структур, в продвижении к новой системе европейской безопасности, основанной на стратегическом взаимодействии России и НАТО. Однако, ожидаемого прорыва пока не произошло. Единственным реальным полем их сотрудничества остаются Силы стабилизации в Боснии (SFOR) и проводимые в рамках ПИМ маневры, в которых Россия обычно участвует через раз. И хотя Москва вроде бы уже

признает, что в Боснии отрабатывается модель взаимодействия Россия-НАТО в военной области, она вряд ли охватывает все его аспекты.

Между тем, органическое взаимодействие России с альянсом приобретает для нее особое значение в условиях трансформирующейся НАТО. Намечился процесс европеизации союза, его европейская составляющая более склонна к поиску новых форм сотрудничества с нашей страной. Россия могла бы более активно реагировать на эти сдвиги, в частности, путем повышения уровня своих отношений (в том числе военных) с ЗЕС. Идет серьезная структурная перестройка альянса. Создаются Совместные объединенные оперативно-тактические группы¹ - СООТГ (многонациональные штабы и соединения, предназначенные не столько для ведения широких наступательных операций, сколько для действий в чрезвычайных, кризисных ситуациях; они будут формироваться не только из членов альянса, но и участников ПИМ). СООТГ повышают коллективную (прежде всего европейскую) ответственность в союзе, они могут быть использованы в операциях ЗЕС. Вместе с тем, значительно сокращается число региональных командований (в Европе - с 3-х до 2-х) и штабов (с 65 до 20). Штаб-квартира НАТО прорабатывает вопрос об установлении более тесных политических и рабочих контактов с ОБСЕ на основе разделения труда между ними, отрабатывает схемы возможных миротворческих операций (с участием партнеров) за пределами сферы действия альянса. Идет, хотя и не без сложностей, адаптация новых членов к условиям союза, рассматриваются планы (очередность) дальнейшего расширения НАТО. Продолжается уточнение новой военно-политической концепции (стратегии) союза, которая, судя по всему, предполагает переход от коллективной обороны территории (охватываемой Договором) к принципу защиты коллективных интересов. Союз не исключает при этом использование военной силы, но отдает предпочтение

(во всяком случае в теории) ее проецированию. По мнению разработчиков концепции, идея взаимного ядерного устрашения уже не отражает нынешние реалии, в частности отношения между союзом и его новыми партнерами. При всей важности этих процессов Россия в них фактически не участвует (Москва отклонила приглашение НАТО поучаствовать на уровне министров обороны в обсуждении стратегической концепции союза на следующее тысячелетие) и не оказывает того влияния на деятельность альянса, которое могла бы оказывать.

В чем причины взаимной сдержанности, если не пассивности, которая как будто всех устраивает? В наибольшей мере на нынешнее состояние отношений двух сторон влияет неблагоприятная ситуация, сложившаяся в России. В самом деле, политический, финансовый, социально-экономический кризис не только подорвал ее международный престиж, но и парализовал ее внешнюю активность. Российский политический класс вынужден признать, что основные наши беды - изнутри, что их истоки не в расширении НАТО на восток, а в деформации процесса демократизации и рыночных реформ, пугающем непрофессионализме политических лидеров. Российское общество обеспокоено ныне не столько внешней опасностью, сколько бессилием власти остановить падение жизненного уровня населения. В этих условиях оно не может не признать, что при наличии кризиса, ослабляющего страну, наличие Основопологающий акт обеспечивает ее безопасность на западном направлении политическими средствами.

Между тем внутривнутриполитический и экономический кризисы вряд ли оправдывают внешнеполитическую пассивность. Хотя отношения с НАТО напрямую не затрагивают перспектив получения внешней помощи России, интенсивность ее взаимодействия с альянсом могла бы сдерживать усиливающийся на Западе настрой, который выражается в признании несостоятельности своих попыток спасти российские реформы. Помимо общей ситуации нынешняя пассивность в

¹ В русском варианте Многонациональные оперативные силы (МОС) - прим. ред.

отношениях России и НАТО обусловлена рядом конкретных обстоятельств.

Во-первых, Основополагающий акт был компромиссом, помимо всего прочего давший возможность обеим сторонам "спасти лицо" в трудной ситуации, не меняя в принципе своих фундаментальных установок. Если эта основная проблема была решена - а это, видимо, так и было - то все остальное, в свете нынешних событий, может подождать своего решения. Тем более, что ни российское, ни натовское руководство, по-видимому, не имеют четкого представления о перспективах взаимодействия, его целевых установках (ограничиваться полумерами или решиться на радикальные меры по сближению).

Во-вторых, сотрудничество России и НАТО развивается ныне главным образом на верхушечном уровне, сводясь к констатации общих истин, которые редко содержат созидательную программу или новые идеи. Возможно, это и неизбежно для этапа познания друг друга, но, к сожалению, двустороннее сотрудничество, особенно в военной сфере, фактически застыло на «высокодоговаривающемся» (генеральском) уровне и пока не отмечено стремлением с обеих сторон спустить его на уровень более низкий (хотя бы до майора или капитана, не говоря уже о нижних чинах).

В-третьих, структурное оформление взаимодействия России и НАТО пошло по традиционно наезженной колее, свойственной военной бюрократии обеих сторон. Вместо того, чтобы стыковать свои существующие военные структуры, концепции, стратегии, нормативную базу, российские и натовские политики начали строить параллельные отдельные структуры (и писать правила) для взаимодействия. Подобные «спецструктуры», создавая видимость созидательной кооперации («великой дружбы»), на деле выводят Россию за рамки повседневной натовской активности. В результате возникают две (а может и более) НАТО: одна - для выполнения своих основных (реформированных) реальных функций, другая - для демонстрации сотрудничества с Россией (Украиной и

т.д.). В самом деле, есть Совет НАТО, но специально для взаимодействия с Россией создан Совместный Постоянный Совет; есть Военный комитет альянса, представленный Генеральными штабами государств-членов, но теперь создан и параллельный Военный комитет - те же плюс Россия. Будто бы все работают, но создается впечатление, что, в основном, на публику.

В-четвертых, во взаимодействии России и НАТО обозначилось противоречие между провозглашаемым стремлением к взаимной транспарентности и сохраняющейся (хотя и не афишируемой) взаимной подозрительностью. Оно особенно заметно на уровне бюрократических военных структур, которые стойко стоят на страже своих корпоративных интересов и не желают впускать туда «чужих».

Перечисленные факторы сдерживают взаимодействие сторон не только в их конкретной совместной военно-политической деятельности, но и в осуществлении более фундаментальных евро-атлантических проектов (создание зоны безопасности от Ванкувера до Владивостока, например).

ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ? В этих условиях Россия имеет три основных выбора. Первый - восстановить образ внешнего врага в лице НАТО, что может переключить внимание общества с проблем внутренних на внешние, оправдывая отход от реформ. Второй - ничего не делать, предоставив событиям определять отношения с Западом (НАТО). Третий - расширить (углубить) взаимодействие с НАТО по всем направлениям, используя опыт и помощь, гарантии безопасности Запада для модернизации страны. Первое уже было испробовано в годы холодной войны. Второе - в ходе бесплодной борьбы с расширением НАТО. Остается испробовать третье.

Между тем, способность России эффективно взаимодействовать с НАТО, влиять на ее решения в значительной мере обуславливается тем, в какой мере Москва встроена в натовские структуры, насколько необходимым их элементом она может стать (является ли элементом структуры, который не только

берет, но и дает). Ситуация нелегкая, поскольку в ряде случаев альянс очень заинтересован в присутствии России (в Дейтоне, в силах по стабилизации в Югославии); в других случаях - меньше или не заинтересован вовсе (например, в ее присутствии в своем Комитете ядерного планирования). Россия же, несмотря на эмоции или неприятие натовской бюрократии, должна добиваться значительного повышения уровня своего участия в делах альянса, даже на условиях паритетного расширения натовского присутствия в российских военных структурах. Она все равно оказалась бы в выигрыше.

Поэтому Россию вряд ли может устроить «почетное» участие в специально создаваемых для ее формального присутствия органах при НАТО (а не в НАТО). Для нее предпочтительнее иметь гостевой статус или статус наблюдателя в Военном комитете, чем быть «свадебным генералом» в специально для нее созданном паллиативе Военного комитета и заниматься там пустыми разговорами, официально именуемыми обменом мнениями. Конечно, для России было бы важно получить статус наблюдателя (без права голоса) в Комитете ядерного или военного планирования (и можно надеяться, что со временем она его приобретет). Но, видимо, начинать надо с тех структур союза, присутствие Москвы которых вызывало бы меньшее неприятие натовцев. Это, прежде всего, - Комитеты по проблемам современного общества, по науке, по планированию использования гражданских служб в чрезвычайных ситуациях, по распространению ОМУ, а также экономический, по информации и культурным связям и так далее. Следует отметить, что среди политиков и военных в НАТО отношение к присутствию России в структурах альянса неоднозначно: первые воспринимают его более либерально, вторые - более консервативно.

Большие возможности для расширения российского присутствия в натовских военных структурах представляют СООТГ. По сути дела это - воинские соединения или различного рода командования, создаваемые в рамках альянса, но также и ПИМ. Они находятся

в двойном - национальном и оперативно - натовском подчинении (как и все воинские подразделения союза, не имеющего чисто своих, подчиненных только ему подразделений (военнослужащих)). Все они оплачиваются своими странами и могут быть выведены из военной организации, заменены в любой момент. Практически СООТГ сотканы из разных национальных блоков: танковое подразделение (обеспечение) из одной страны, инженерное - из другой, тыловое обеспечение - из третьей и т.д. Это создает мобильность, но и значительную взаимозависимость стран, входящих в союз. Участие российских подразделений в СООТГ, что натовским руководством в принципе не исключается (пока в рамках ПИМ, но Москва, пользуясь своим особым статусом, могла бы надеется и на большее), обеспечивало бы не только присутствие, но и влияние, ибо любое соединение с российским участием уже рассматривается как боеспособное только с ее участием. Вопрос же командования - в большой мере вопрос престижа.

В рамках европеизации атлантической безопасности ряд стран создают совместные воинские соединения вне рамок НАТО (хотя их взаимодействие с альянсом и предполагается). Первой такой ласточкой был франко-немецкий корпус, сейчас создается польско-немецко-датский корпус с штаб-квартирой в Щецине на польской территории. Существуют планы и других подобных соединений, которые по идее, должны быть больше привязаны к ЗЕС, чем к НАТО. Россия, которая не настолько богата, чтобы иметь огромную национальную армию, способную выполнять все миссии или задачи по нейтрализации современных вызовов и рисков, могла бы в большей мере строить свою безопасность в интернациональных рамках, участвуя в создании многонациональных соединений типа СООТГ или упомянутых выше корпусов. Это позволило бы Москве обеспечить более высокий уровень безопасности с меньшими затратами плюс влияние на партнеров.

Большое значение для сближения России и НАТО имеет взаимодействие на гуманитарном уровне.

Одн

человеческий фактор одинаково плохо используется обеими сторонами. Между тем, он мог бы в значительной степени способствовать снятию взаимной подозрительности, насадившейся десятилетиями, и росту взаимного доверия. В какой-то мере, ненормальность подобной ситуации - результат верхушечного взаимодействия: бюрократию интересуют связи, а не человеческое общение. Существенное значение имеет и языковой барьер. Генерал Заварзин - прекрасный и опытный офицер, он мог бы стать "своим" в натовской верхушке, но этому мешает незнание им английского языка (к сожалению, в российской армии владение иностранными языками не поощрялось). Сегодня для взаимодействия с НАТО ей нужны десятки и сотни офицеров высшего и среднего звена, знающие английский и/или французский (рабочие языки союза), но они вынуждены пользоваться услугами переводчиков, что усложняет и служебные контакты, и просто человеческое общение. А без знания языков наши офицеры в НАТО будут постоянно ощущать отчуждение окружающей их среды.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ? В отношениях Россия-НАТО назревает проблема, требующая объединения усилий для своего решения. Речь идет о расширении зоны ответственности союза в рамках миротворческих операций. По Вашингтонскому договору 1949 г. (ст.6), зона ответственности НАТО ограничена территориями стран-участниц и прилегающими к ним районами Северной Атлантики и Средиземного моря. Однако на деле эта зона, например в Боснии, уже вышла за пределы означенного региона. Россия - участником в дейтонских договоренностях, военном контингенте по их выполнению, а затем стабилизации - в известной мере, поддержала этот процесс. Москва исходила из того, что это - исключительная мера, случай (кроме того, имелся мандат СБ ООН). Она не исключает подобного и в будущем, но полагает, что использование военной силы в ходе миротворческих операций на территории суверенного государства должно быть санкционировано СБ ООН или, по крайней мере, ОБСЕ. Позиция

Москвы кажется логичной, но возможно только ей самой.

Западным лидерам подобное ограничение представляется неоправданным. По их мнению, промедление с военным вмешательством в Боснии привело к затягиванию кровавого конфликта. Поэтому они считают, что альянс в ряде случаев, когда для этого есть рациональные основания, сам может оценить степень угрозы миру (региону) и определить характер ответа на нее (типичный пример - американские бомбардировки Судана и Афганистана). В этих же целях используются расширительность и неопределенность (как результат компромисса) формулировок резолюций СБ ООН, таких как: принять **все** меры, **необходимые** меры, **эффективные** меры для прекращения вооруженных столкновений. Дефиниции подобного рода - **все, необходимые, эффективные** - могут быть поняты и истолкованы по-разному, в том числе и как призывы использовать военную силу. В самом деле в России еще бытует тоталитарный принцип - запрещено все, что не разрешено; на Западе иной подход - разрешено все, что не запрещено. Но если российская дипломатия голосует за подобные формулировки, она должна просчитывать варианты их последствий. Ясно одно: нормативная база миротворчества несовершенна. Именно по этому поводу России и НАТО (вместо взаимных упреков) стоило бы начать конструктивный диалог в СПС.

Решение многих проблем в системе отношений Россия-НАТО осложняется, а во многом и порождается тем, что Россия не состоит в альянсе. Еще в ходе дебатов по расширению НАТО Москва вывела за скобки вопрос о своем членстве в союзе. Между тем ее вступление в альянс сняло бы напряженность, периодически возникающую в их отношениях, а многие из проблем (и такая болезненная для России, как вторая волна расширения) автоматически снимались бы. Под новым и более перспективным углом рассматривался бы вопрос о новой системе безопасности в Европе; расширение зоны ответственности альянса воспринималось бы намного

спокойнее Россией (и с большим опасением - Западом).

Конечно, в России есть силы, которые, стремясь нажить политический капитал на ультра-патриотизме, игнорируя и проблему российской безопасности, и ее стоимости, активно выступают против вступления страны в НАТО. Что же касается общества, одуревшего от проводимых над ним социальных экспериментов, то оно вряд ли воспримет вступление России в альянс, то есть в клуб избранных, как очередное поражение, скорее наоборот - увидит в этом попытку снять напряженность в отношениях с Западом. Наверное, членство России в НАТО не очень обрадует некоторых политиков в Центральной и Восточной Европе, ибо присутствие России в союзе объективно отодвигает их на вторые роли. Да и на Западе немало тех, кто опасается распространения обязательств альянса на Россию. Однако, и среди них усиливается настрой в пользу вступления России в НАТО. Результаты опросов подтверждают, что большинство американцев (65%) приветствовало бы членство демократической России в союзе.

Между тем, речь идет не о том, чтобы немедленно принять ее туда - все (включая ее саму) понимают, что сейчас это вряд ли возможно. Проблема - в признании открытости союза для всех демократий, в том числе и для России. Со своей стороны, Москва могла бы подтвердить, что со временем, учитывая обстановку в стране и в Европе, она готова стать полноправным членом союза со всеми вытекающими для нее обязательствами. В этом плане СПС мог бы регулярно (раз в год или - в два) на уровне министров иностранных дел или обороны решать вопрос о желательности, целесообразности, готовности России формально вступить в альянс. Это предполагало бы, что вопрос о членстве России в НАТО в принципе решен, речь идет лишь о том - когда и на каких условиях.

Конечно, добиться всего этого в нынешней невыигрышной для России ситуации будет нелегко. Но страна судит о своей дипломатии по эффективности ее влияния на мир, а не по количеству ее

жалоб на коварство несговорчивых партнеров.

♦ ♦ ♦

ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ НЕОБХОДИМ

Ю.П. Иванов,
политолог

В Государственной думе завершается разработка проекта федерального закона о гражданском контроле над вооруженными силами. Не вдаваясь в детали в оценку сущности этого документа, его конкретных достоинств или недостатков, важно сегодня не допустить, чтобы он сам и выраженная в нем идея не стали бы жертвой ожесточенности наших политических нравов. А ведь такая опасность вполне реальна. В пылу нынешних политических баталий для их участников даже самая светлая мысль утрачивает свою самооценку. Все зависит от того, кто ее выдвигает: если мой политический друг, естественно, она хороша, но если это мой противник, она просто не может быть таковой по определению. Идея гражданского контроля в военной области настолько важна для будущего нашей страны как демократического и правового государства, что мы попросту не имеем права дать ей зачахнуть под знойным дыханием политической нетерпимости.

Идея гражданского контроля, когда она будет корректно воплощена в положения закона, должна заметно усилить в военной области позиции всех ветвей гражданской власти и подстраховать государство и общество от опасностей, которыми может быть чреват дисбаланс между гражданской властью и силовыми структурами.

Общепризнанным главным принципом демократического гражданского контроля в военной области является то, что все без исключения политические решения, касающиеся вооруженных сил, должны принимать исключительно избираемые народом гражданские лидеры или подчиненные, которых они назначают и которые выполняют их указания. При

этом, естественно, сами военные не несут ответственности за политические решения об использовании военной силы, поскольку не они их принимают. Иными словами, гражданские лица на соответствующих государственных постах решают, что должно быть сделано для достижения национальных целей, и несут ответственность перед обществом за такие решения. Военные же отвечают только за профессиональное исполнение такого решения.

Для того, чтобы обеспечить выполнимость этого принципа, в президентских республиках президент обычно назначает гражданских лиц, которым лично доверяет, на все посты в военных структурах, связанные с принятием политических решений. В российском варианте решения этой проблемы, закон о гражданском контроле, - если он когда-нибудь вступит в силу, - мог бы гласить, что президент России утверждает перечень высших должностей в системе управления военной деятельностью, замещаемых гражданскими лицами; назначает и освобождает их от занимаемой должности по своему усмотрению.

Однако, если мы стремимся построить подлинно демократическую систему гражданского контроля, она ни в коем случае не должна ограничиваться лишь деятельностью президентских структур или органов исполнительной власти. Не менее важными компонентами этой системы должны стать законодательная и судебная власть, а также общественность и средства массовой информации.

Общеизвестно, что главным инструментом парламентского контроля всегда служит право осуществлять надзор над расходованием бюджетных средств. К сожалению, у нас в стране уже в течение многих и многих лет все, что так или иначе связано с военным бюджетом, полностью и безраздельно отдано в руки самого военного ведомства. При этом, естественно, преобладает узко профессиональная оценка сил и средств, необходимых для отражения любой, даже пока существующей, потенциальной угрозы, а все остальное - состояние экономики, внутренние и внешние факторы -

почитаются как бы второстепенным. Пока не только общественное мнение, но и законодатели очень мало информированы о том, как и на что расходуются те немалые средства, которые в нынешние тяжелые времена наша страна вынуждена тратить на оборону. Можно ли вообще говорить о том, что мы движемся к правовому государству и демократии, если парламент лишен возможности проконтролировать расходование почти четверти государственного бюджета, которую составляют военные расходы?

Однако действенный контроль законодательной власти над расходованием бюджетных средств на оборону возможен только при выполнении двух важнейших условий. Во-первых, военные ведомства должны коренным образом изменить свое отношение и продемонстрировать максимальную открытость перед парламентом. Во-вторых, от самого парламента это потребует посвящать рассмотрению бюджета значительно большую часть своего времени и усилий, а также, возможно, принять некоторые важные решения о применяемых при этом методах. Например, оборонный раздел представленного правительством проекта бюджета должен быть в деталях рассмотрен соответствующим комитетом Думы. Именно там необходимо выяснять, целесообразны ли предлагаемые расходы, и принимать решения об их масштабах. Для этого нужно, чтобы правительство представляло проект бюджета, в том числе и военного, с разбивкой статей по конкретным программам. При этом должны быть разъяснены цели программы, пути и методы ее осуществления, степень готовности, необходимые затраты в предстоящем финансовом году и в последующие годы и т.д.

Несомненно, должна сохраняться государственная и военная тайна, но не от комитета в парламента. Оборонный бюджет должен стать правомерным предметом делового, спокойного и рационального обсуждения российским общественным мнением. Тайна не должна распространяться почти на все, что связано с войсками и вооружениями, а должна быть строго ограничена

разумными пределами. Стоит серьезно задуматься над тем фактом, что при традиционной весьма высокой открытости военного бюджета Соединенным Штатам удалось создать и поддерживать в боеготовности первоклассные вооружения. Следовательно, по-видимому, не тайна обеспечивает оборонную мощь, а разумное расходование имеющихся ресурсов.

Создание действенной системы гражданского контроля неизбежно должно повлечь за собой реформу структуры военной юстиции, которая, похоже, до сих пор часто была больше озабочена сокрытием и отмытием позорных пятен на военном мундире, чем поисками истины и справедливости. В последнее время Главной военной прокуратурой были предприняты многие долгожданные и правильные шаги с тем, чтобы покончить со злоупотреблениями в вооруженных силах. Однако вызывает определенные опасения тот факт, что эти меры по своему происхождению носят скорее личностный, а не структурный характер.

Деятельность системы гражданского контроля должна распространяться не только на вооруженные силы Министерства обороны, но равным образом на силы всех ведомств, где осуществляется военная служба. Если гражданский человек возглавит министерство обороны, естественно возникнет вопрос о том, почему во главе министерства внутренних дел или пограничной службы стоят генералы. А в самом деле - почему? Гражданский контроль должен распространяться на всю военную сферу и не только служить преградой на пути превращения военных структур в самодовлеющую политическую величину, но и не допустить их деградации.

Одной из важнейших задач, которую неизбежно встанут перед системой гражданского контроля, будет защита конституционных прав военнослужащих. Как известно, для человека на военной службе заказаны некоторые принятые методы защиты своих интересов, доступные гражданским, а ситуация с соблюдением его прав сегодня оставляет желать

лучшего. Поэтому необходимо создать некий орган, куда любой военнослужащий мог бы непосредственно обратиться с жалобой на нарушение своих прав. Как будет решена эта проблема предсказывать трудно, но то, что необходимость ее решения давно назрела, понятно всем.

Любые шаги на государственном уровне в сторону гражданского контроля в военной области будут лишены надежной опоры, если общество не будет участвовать в них через общественные объединения, политические партии и средства массовой информации. Однако при этом неизбежно возникает противоречие между правом каждого гражданина быть информированным и спецификой военной деятельности, предусматривающей определенную степень закрытости. В том, как примирить это противоречие, будет состоять одна из существенных трудностей. Помощью в преодолении этого препятствия могло бы стать издание силовыми ведомствами докладов о состоянии, задачах и планах вооруженных сил, а также оперативное и исчерпывающее информирование общественности через пресс-службы силовиков, своевременное повещение местных властей о маневрах и т.п.

Решение задачи создания всеобъемлющей системы гражданского контроля весьма осложнено тем обстоятельством, что традиции такого контроля в России отсутствуют. В Российской империи гражданский министр никогда не возглавлял ее вооруженные силы, а их подчиненность царю тоже ни в коей мере не может рассматриваться как гражданский контроль, тем более демократический. Не осуществляли эффективного надзора за военными структурами и российские парламентские институты во время их кратковременного существования в начале века. В годы правления коммунистов вооруженные силы действительно находились под жестким контролем партии, но у кого повернется язык назвать это демократическим контролем?

Мешает не только отсутствие традиции, но и то, что в Федеральном Собрании, правительстве, во

влиятельных политических партиях и движениях нет ощущения срочной необходимости установления гражданского контроля над вооруженными силами. Наши мудрые политики либо не замечают, либо попросту не хотят видеть того, что в последнее время силовые структуры играют все возрастающую политическую роль, что недопустимо или крайне опасно. Сегодня даже трудно с уверенностью предсказать, к каким последствиям это может привести в будущем.

Да и не только об э т о м речь. Любому здравомыслящему у человеку понятно, что экономика России не сможет успешно идти вперед, если не освободится от бремени непомерных расходов на вооруженные силы и индустрию вооружений. Однако пока еще не вызрело понимание того, что первым шагом к избавлению от этой непосильной ноши должно стать введение эффективного гражданского контроля над вооруженными силами, так как ни они, ни военно-промышленный комплекс сами добровольно от занимаемых позиций не откажутся. По той же причине и военная реформа у нас, видимо, будет продвигаться ни шатко-ни валко.

Вместо осознания безотлагательности этой задачи в нашей печати продолжаются дискуссии и на уровне по-детски умилительной наивности: одни их участники утверждают, что генералы "плохие", а их оппоненты доказывают, что генералы "хорошие". Не в этом суть. Все военные структуры государства должны быть так устроены и так функционировать, чтобы никакие генералы, - ни "хорошие", ни "плохие", ни даже "средние", - не могли бы навязывать свою волю органам политической власти и обществу. Так, чтобы генералы, как, впрочем, и все без исключения остальные граждане, стояли наравне перед Законом.

◆ ◆ ◆

СМОЖЕТ ЛИ РОССИЯ УНИЧТОЖИТЬ СВОЕ ХИМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ БЕЗ ПОМОЩИ ЗАПАДА?

Н.Н.Поросков,
военный журналист

В ноябре истек год после ратификации Россией Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. Что сделано за этот год? Какие трудности испытывает РФ в ходе реализации положений данного документа? Попытаемся разобраться в этом или хотя бы поставить для самих себя очень важные вопросы.

Производство боевых отравляющих веществ Россия прекратила в 1987г., а 13 января 1993г. подписала Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. Этот международный документ вступил в силу 29 апреля 1997г., но из-за неясности с финансированием Государственная Дума РФ ратифицировала его лишь 31 октября того же года (288 голосами против 75). Совет Федерации одобрил Конвенцию 5 ноября 1997г.

В соответствии с ней Россия должна полностью уничтожить объявленные 40 тыс. тонн отравляющих веществ (ОВ) в течение 10 лет. (При определенных условиях этот срок может быть продлен еще на 5 лет). Федеральная целевая программа "Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации", принятая еще в марте 1996г., предусматривает, что химическое оружие должно уничтожаться в регионах его хранения: Горный (Саратовская область), Камбарка и Кизнер (Удмуртия), Щучье (Курганская область), Леонидовка (Пензенская область), Марадыковский (Кировская область) и Почеп (Брянская область). Отравляющие вещества на арсеналах хранятся как в большеобъемных емкостях (подлежат уничтожению в первую очередь), так и в артиллерийских снарядах, авиабомбах и головных частях тактических ракет.

Сегодня практически все политические силы в стране, сами военные химики выступают за

ликвидацию химического оружия. Пожалуй, только крайняя оппозиция, относящая ОВ к "оружию бедных стран" и увязывающая Конвенцию с Договором СНВ-2 и продвижением НАТО на восток, высказывается против его ликвидации. В основном же критика международного соглашения конструктивна. Комитет по экологии Госдумы, как пояснила его председатель Тамара Злотникова, голосовал против ратификации Конвенции потому, что считает: страна не готова к ее выполнению с технологической и экологической точек зрения, а главным образом - с финансовой.

По сегодняшнему состоянию специалистов, программа ликвидации российских ОВ, включая уничтожение или конверсию бывших объектов по производству химического оружия, обойдется в 34,4 млрд. руб. или 5,7 млрд. долларов США. Кроме того, около 330 млн. долларов потребуются на оплату международных инспекций. Расходы ложатся на принимающую сторону. По данным председателя Комитета по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия при Президенте РФ Павла Сюткина, начиная с 3 марта 1998г. в России побывали 10 таких инспекций. Они проверили 31 объект, включая и все 7 арсеналов химического оружия. Визиты обошлись в 50 млн. долларов.

По всей вероятности, общая сумма средств на осуществление программы будет выше первоначальной. Администрация и население регионов, где хранится химическое оружие и где его будут уничтожать, требуют так называемой платы за риск, то есть инвестиций в местную социально-экономическую инфраструктуру: на льготы населению, строительство водопроводов и газопроводов, дорог, жилья... Дело в том, что промышленность Чувашской Республики, на 80% была ориентирована на "оборонку", а это существенно замедляло развитие республики. Немногим лучше положение в других регионах. Теперь люди вполне справедливо хотят получить хоть какую-то компенсацию.

Тамара Злотникова считает, что готовящийся закон о льготах населению должен распространяться не только на 6

регионов хранения химического оружия, а быть общероссийским. Нельзя оставлять "за бортом" ту же Чувашию, которая десятилетиями производила ОВ и пострадала не меньше. Значит, понадобятся еще деньги из госбюджета. Дополнительные расходы потребуются и на утилизацию отходов, пусть даже признанных безопасными, на проведение мониторинга окружающей среды.

По словам начальника войск радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ) генерал-полковника Станислава Петрова, процесс уничтожения химического оружия не полностью затратный: из переработанного люизита предполагается получить 7 тыс. тонн сверхчистого мышьяка для электронной промышленности. Но эти средства поглотит сама дорогостоящая конверсия. К тому же долг Министерства обороны перед подрядчиками по договору только объекту в Горном составляет 86 млн. руб.

В 1995-97гг. на ликвидацию химического оружия из федерального бюджета было выделено лишь 14% от запланированного. На 1998г. Минобороны запросило 4 млрд. руб., исходя из возможностей государства сумму сразу срезали до 500 млн. руб., в бюджет было заложено уже 320 млн., а выделено Министерству обороны 84 млн. руб. плюс 30 млн. другим ведомствам, участвующим в ликвидации химического оружия и реализации планов конверсии предприятий.

Сроки неумолимо поджимают. В соответствии с Конвенцией, Россия должна начать процесс уничтожения не позднее 5 декабря 1999г., а к маю 2000г. переработать первые 400 тонн ОВ, через 3 года - 4 тыс. тонн, через 5 лет - 8 тыс. тонн и к 29 апреля 2007г. - все 40 тыс. тонн. Самыми "боеготовыми" можно считать 2 установки по переработке в Горном: для одной уже возведен фундамент, на месте другой ведутся земляные работы, ждет своей очереди завезенное на склады немецкое оборудование. По заверению начальника Управления ликвидации химического оружия МО генерал-майора Владимира Ульянова, весной следующего года, после проведения экологической экспертизы, строительство пойдет в три смены. Хотя

утвержденного проекта строительства здесь пока нет. По Щучьему разработаны технико-экономические обоснования и идет проектирование объектов инфраструктуры. По остальным объектам ведутся проектные работы. Начата подготовка специалистов для объектов уничтожения.

Проводятся инспекции, установлен канал связи между МИД РФ и Организацией по запрещению химического оружия (ОЗХО), в российском посольстве в Гааге создана постоянная группа для связи с ОЗХО... Словом, за более чем год после ратификации, без патетики, в целях реализации судьбоносного для мира документа сделано немного. Неправительственная экологическая организация Российский Зеленый Крест, широко известная проведением уже 4 общественных слушаний по химической демилитаризации, созданием информационных центров для населения в районах хранения, по случаю годовщины ратификации Конвенции провела общественный форум, на который пригласила представителей правительства, Госдумы и Министерства обороны, администраций регионов хранения химического оружия, ученых-экологов и медиков, зарубежных партнеров.

Российская сторона была единодушна: уничтожение химического оружия - проблема, прежде всего, внутригосударственная. Но экономическое положение РФ не позволяет ей финансировать программу в должной мере. Совершенно ясно, что России никак не обойтись без внебюджетных источников, прежде всего зарубежных. Международная помощь России в деле уничтожения химического оружия сегодня существует. США уже выделили 136,5 млн. долларов на строительство объекта по уничтожению нервно-паралитических ОВ в Щучьем. В конце следующего года, сообщил на форуме представитель Defense Threat Reduction Agency Флэмм Кевин, ожидаются еще деньги "под реальное строительство". Германия, Швейцария, Швеция, Финляндия и Нидерланды в совокупности выделили 31 млн. долларов. Подобные намерения есть у

Италии, обсуждается вопрос с Великобританией. ЕС из средств программы ТАСИС планирует предоставить 15 млн. долларов.

Еще один источник, на который указывает Исследовательская группа Монтерей-Москва, - миллиардный экологический кредит Всемирного банка. Многие могли бы дать переговоры о реструктуризации российского внешнего долга - 106 млрд. долларов как наследство СССР и около 50 млрд. "приобретенных позже". Только на обслуживание этого долга в следующем году Россия должна затратить около 17 млрд. долларов. Но не следует забывать, что упомянутые кредиты были по сути платой за бескровный распад СССР. За небольшие для этого случая суммы Запад получил огромные дивиденды - и геополитические, и экономические, и военные: из бывших членов Организации Варшавского Договора выстроилась очередь для приема в НАТО.

Представляется, что в деле уничтожения Россией химического оружия помощь могли бы оказать такие международные финансовые институты, как Мировой банк и Европейский банк реконструкции и развития.

Остро необходимому расширению западной помощи мешают проблемы политического и организационного свойства. То требуются свидетельства, выполняет ли Россия Конвенцию о запрещении биологического и токсинного оружия 1972г., то приходится опровергать сведения о разработке в РФ новейших видов химического оружия. Между тем стенки емкостей с ипритом и люизитом, металл артиллерийских снарядов и авиабомб с каждым днем истончаются, хранение отравляющих веществ становится опаснее, чем их уничтожение. Автор убедился в этом, побывав на арсеналах в Камбарке и Щучьем. Уже известны более 10 случаев утечки ОВ, к счастью, без жертв среди персонала. Начальник РХБЗ генерал-полковник Станислав Петров признает, что существование ОВ провоцирует "искушение сумасшедших и террористов".

Уничтожение российского химического оружия как наследия "холодной войны" - это и международная проблема. Последствия аварий или

несанкционированного использования ОВ страшно представить. Они так или иначе скажутся и на благополучном Западе.

Россия сегодня с т о ит перед дилеммой: либо, вылезая из шкуры, уложиться в сроки, либо выйти из Конвенции. Запад должен помочь ей сделать правильный выбор.

◆ ◆ ◆

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИЗИС ПО ПОВОДУ КОСОВО (НАТО – РОССИЯ: ИТОГИ И УРОКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ)

А.А. Язькова,
главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

В сентябре – октябре 1998г. конфликт на территории Косово достиг опасной черты: порожденный им уровень международной напряженности по степени остроты и угрозы европейскому и международному миру сравним лишь с кубинским кризисом сентября – октября 1962 г. Существенное различие между этими двумя событиями состоит, однако, в том, что к настоящему моменту уже утвердились определенные нормы международного права. В сочетании со здравым смыслом эти в перспективе могли бы стать основой конструктивного сотрудничества между Россией и странами НАТО.

Кризис на территории Югославии еще далек от своего окончательного разрешения, как далеки и перспективы стабильности в балканском регионе, когда-то названном «уязвимым подбрюшьем» и «пороховым погребом» Европы. Однако уже сегодня можно подвести некоторые итоги кризиса, позволяющие лучше понять породившие его причины и позиции задействованных в нем внутренних и международных сил. А это, в свою очередь, должно способствовать выработке международным сообществом компромиссных решений по урегулированию косовского и других подобных ему политико-этнических конфликтов.

Непосредственным поводом для вмешательства НАТО в нынешний внутриюгославский кризис стали, как это подчеркивалось в решениях Совета НАТО и заявлениях западных политиков, нарушения прав албанского населения края в результате карательных операций сербских силовых структур. Такого рода факты действительно имели место, но односторонний подход к этой крайне сложной и запутанной проблеме едва ли можно считать оправданным.

После начала отвода вооруженных формирований Сербии не менее серьезными стали нарушения прав немногочисленного сегодня сербского меньшинства со стороны Армии Освобождения Косово (АОК). Серьезные западные журналисты неоднократно привлекали внимание к той опасности, которая угрожает не только Югославии, но и балканскому региону в целом в случае захвата власти в Косово радикальными албанскими группировками. Характерное для истории последних двух веков «перетягивание каната» между сербскими и албанскими радикалами, сопровождавшееся борьбой за изменение границ и государственной принадлежности, неоднократно приводило к конфликтам между ними и способствовало созданию взаимно негативных стереотипов как части национальной идеологии обеих сторон.

Непосредственные предпосылки нынешнего косовского конфликта были заложены после второй мировой войны как результат национальной политики югославского руководства и ответных действий албанских политиков Косово. Вплоть до конца 60-х годов албанское население Косово и Метохии подвергалось систематическим притеснениям со стороны югославских властей. После состоявшихся в 1968 г. волнений албанского населения в национальной политике СФРЮ наступил существенный поворот – были приняты политические меры по исправлению положения, расширился выпуск литературы на албанском языке, были открыты албанские школы и университет в Приштине, Косово было провозглашено Автономным краем в составе Сербии (до этого оно имело статус автономной области). В федеральном правительстве

СФРЮ два важных поста были предоставлены албанцам, а в 1978 г. представитель албанского меньшинства получил должность вице-президента СФРЮ.

Наиболее отсталый из республик и краев Югославии АК Косово стал получать все более объемные дотации из фонда Федерации (в 80-е годы – более половины всех отчислений фонда), что было в значительной степени обесценено политикой местного албанского руководства, использовавшего эти средства для строительства престижных сооружений и в целях личного обогащения.

В 70-е годы были установлены прямые связи между Косово и Албанией, чему в определенной степени способствовала политика Белграда, стремившегося использовать их для нормализации югославо-албанских отношений. Это, однако, имело и свою оборотную сторону, способствуя проникновению в среду гуманитарной интеллигенции и албанского студенчества Косово идеологии албанского национализма.

Все проблемы, связанные с албанским меньшинством в Косово, обострились весной 1981 г., когда политическому руководству края удалось перенаправить антиправительственные выступления в националистическое русло и выдвинуть официально поддержанное Албанией требование о предоставлении Косово статуса союзной республики и объединения в ее рамках всех проживающих в Югославии (Черногории и Македонии) албанцев. Возникшее на этой почве противостояние сопровождалось «выдавливанием» сербского населения из края, в результате чего его доля сократилась с 27,5% в 1961 г. до 10% в 1991. Эти и другие факты значительно меньше известны мировой общественности, но и их не следует сбрасывать со счетов при оценке и анализе причин нынешнего противостояния сербского и албанского населения Косово.

Действия албанских лидеров Косово не могли не вызвать ответной реакции со стороны руководства СФРЮ, повлекшей за собой коренные изменения в положении албанского населения.

Принятые в 1989 г. поправки к Конституции СФРЮ фактически ликвидировали автономию края. На албанцев вновь посыпались репрессии, были закрыты все учебные заведения с преподаванием на албанском языке, на что албанцы ответили созданием подпольной системы образования, а затем – и параллельной системы власти, включая избрание президента и парламента, сразу же запрещенных сербским руководством. Борьбу албанского населения за независимость возглавила Демократическая лига Косово.

В 1996 г. между сербской и албанской сторонами начались переговоры, однако время уже было упущено, и инициативу перехватило радикальное руководство АОК. Получая финансовую поддержку от зарубежной албанской эмиграции и имея возможность базирования и перевооружения в сопредельной с Косово Албании, АОК успешно сочетает регулярные военные операции с ведением партизанской войны. Ее действия не менее агрессивны, чем операции сербских силовых структур, поэтому едва ли правомерно возлагать ответственность за нынешние нарушения прав человека только на силовые структуры сербов.

Логика развития конфликта способствовала, таким образом, нарастанию агрессивного национализма с обеих сторон, и выдвигаемые радикальными албанскими группировками идеи создания «Великой Албании» ничуть не менее опасны, чем предпринятые в начале 90-х годов попытки объединения земель распадающейся Югославии, населенных сербами. И то, и другое могло бы повлечь за собой цепную реакцию, вовлекая в конфликт Черногорию, Македонию, Грецию, и, в конечном счете, привести к общевосточному конфликту, в который могли бы быть втянуты восточноевропейские страны.

В свете сказанного односторонний силовой нажим лишь на одну из сторон вряд ли является оправданным. Несмотря на выявившиеся противоречия между Россией и НАТО в процессе урегулирования кризиса, а они, подчеркну, касаются не целей, а средств их достижения, у них сохраняются

известные возможности взаимодействия в регулировании косовского конфликта, который, как представляется, еще далек от своего завершения.

Прежде всего, это общая позиция России и стран НАТО по поводу необходимости сохранения территориальной целостности Югославии. В документах НАТО это было подтверждено неоднократно. Например, в Заявлении по поводу Косово, принятом на встрече министров иностранных дел Совета НАТО в Люксембурге 28 мая 1998г., отмечалось: «Мы поддерживаем политическое решение, которое предполагает расширение статуса Косово, сохранение территориальной целостности Федеральной Республики Югославии (ФРЮ) (так в документе - авт.) и соблюдение человеческих и гражданских прав всех жителей Косово, независимо от их этнического происхождения»¹. Эта же позиция была неоднократно подтверждена и впоследствии, что может быть признано основой для дальнейших переговоров, причем не только международных, но и внутриюгославских. Ни одна из сторон - имея в виду страны НАТО и Россию - не признала, таким образом, легитимными неоднократные требования лидеров косовских албанцев о предоставлении Косово статуса независимой республики.

И страны НАТО, и Россия заявляют о необходимости соблюдения прав человека и скорейшем решении проблемы беженцев (точнее, «внутренних перемещенных лиц», так как согласно Конвенции о беженцах 1951г., находящиеся на территории Югославии «беженцы» юридически таковыми не являются). Неправильным было бы, разумеется, недооценивать гуманитарный аспект этой проблемы, но применительно к беженцам из Косово некоторые западные наблюдатели предсказывают и иное развитие событий. Как это было замечено одной из австрийских газет, с наступлением зимы «все или почти все они окажутся в Европе», расширяя ряды «пропагандистов албанской независимости»². Этот прогноз содержит

известные преувеличения; несомненно, однако, что многие из этих людей стремятся всеми правдами и неправдами пересечь границу, ибо только в этом случае они могут получить международный статус и соответствующее вспомоществование. Основной натиск беженцев, которых реально сегодня свыше 200 тыс. человек, испытывают Венгрия, Австрия, Германия. Упомянутые аспекты проблемы беженцев нельзя недоучитывать в ходе решения на международном уровне вопроса в целом.

И Россия, и страны НАТО считают необходимым предоставить Косово широкие автономные права. Учитывая, однако, возможные различия в толковании самого понятия «автономия», было бы желательным согласование сторонами конфликта и международным сообществом статуса косовской автономии до окончательного решения остальных проблем или совместно с ними (так называемый пакетный принцип). В противном случае радикальные политические силы Косово, используя не только оружие, поставляемое им из-за границы, но и апробированную ими формулу «защиты прав человека», будут добиваться предоставления краю статуса независимой республики. А президент С.Милошевич, манипулируя шовинистическими лозунгами, сможет укрепить свое положение и продолжить борьбу против демократической оппозиции. Исходящая от НАТО угроза нанесения бомбовых ударов в этом контексте ему даже выгодна. Однако в более широком плане она противоречит задачам восстановления демократических норм и решения национальных проблем СРЮ. США, Европа и Россия должны были бы совместными усилиями поддержать демократические силы и среди сербов, и среди албанцев, имея в виду, что состояние «осажденной крепости» выгодно прежде всего национал-радикалам.

Представляется также необходимой более широкая опора на принятые в рамках ООН и ОБСЕ международно-правовые документы. В принципе как российские, так и западные политики придерживаются сложившихся

¹ Statement on Kosovo // NATO Review. Documentation Supplement. - N 3, Autumn 1998, p.D.

² Neue Krone Zeitung 10.10.1998, S.6-7.

после второй мировой войны норм международного общения, и это создало основы для взаимодействия России и стран НАТО в СБ ООН и в рамках Контактной группы по бывшей Югославии.

Согласно духу и букве подавляющего большинства принятых ООН и ОБСЕ международно-правовых документов, право на самоопределение не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному разрушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих принцип равноправия и самоопределения народов. Эта сама по себе достаточно емкая формула создает предпосылки для решения многих спорных проблем, в их числе и косовской, но расстановка зачастую различных акцентов вносит противоречия в предлагаемые способы решения. Это же относится и к возможности применения силы для решения внутренних проблем суверенных государств.

Как известно, принятый под воздействием трагических последствий второй мировой войны Устав ООН установил запрет на применение вооруженных сил для разрешения международных споров. Исключение составляют: возможность применения силы для самообороны и так называемые «принудительные действия ООН», принимаемые с санкции СБ ООН для пресечения агрессии. Таким образом, кроме случаев необходимой самообороны, применение силы возможно лишь по решению СБ ООН, механизм формирования и принятия сбалансированных решений.

Если бы, тем не менее, «принудительные действия» были бы какой-либо из сторон осуществлены без санкции СБ ООН, то это могло бы серьезно подорвать современную систему международных отношений. Представляется поэтому, что Россия в этом наиболее серьезном случае расхождения с позицией НАТО выступила не столько в защиту Сербии, как полагают многие международные наблюдатели, сколько в защиту сложившегося после

второй мировой войны миропорядка и современных норм международного права.

◆ ◆ ◆

ПОЧТИ У ЦЕЛИ. ПОЛЬША НА ПУТИ В НАТО

Л.С. Лыкошина

ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН

Нынешней осенью Варшава сделала еще несколько шагов на пути к столь желаемой абсолютным большинством поляков цели - вступлению в НАТО. 20 октября 1998г. польское правительство единогласно приняло и направило в Сейм проект закона, определяющего полномочия президента по вопросу ратификации Договора присоединении к Североатлантическому союзу. Завершение процедуры ратификации будет означать готовность Польши стать членом альянса. Подписание договора проходило в обстановке особой торжественности, призванной символизировать историческую значимость происходящего.

Глава кабинета министров Е.Бузек поставил свою подпись под проектом закона той самой речкой, которой представители стран-членов НАТО подписывали свое согласие на расширение альянса (ручка хранится в архиве польского МИД и была специально для этого случая предоставлена министром иностранных дел В. Геремеком).

Предпринимаемые действия расценивались польской политической элитой как акция сугубо важная, а пребывающие до недавнего времени у власти партии левой ориентации с горечью констатируют нежелание нынешних властей признать их заслуги в деле приближения к «самому элитному военному союзу» (по выражению Е.Бузека).

В польских политических кругах отчетливо прослеживается стремление ускорить процесс вступления в НАТО и завершить его не к апрелю 1999 г. (то есть к 50-летию альянса), как это

предполагалось, а раньше на несколько месяцев. Чем обусловлена такая торопливость? Очевидно, прежде всего, стремлением Польши участвовать в разработке новой стратегической концепции НАТО на ближайшие 20 лет. Предполагается, что в случае получения Варшавой возможности высказать свое мнение, последнее будет состоять в отстаивании «консервативной» позиции, в соответствии с которой целью альянса должна оставаться защита стран-участниц, а не противодействие конфликтам за пределами зоны действия Североатлантического договора.

С точки зрения формально-юридической, препятствий для досрочного вступления Польши в НАТО практически не осталось: в октябре 1998г. вопрос о принятии ее в состав альянса ратифицирован парламентом Турции, одной из двух (имеется в виду еще и Голландия) стран, еще не завершивших эту процедуру. Осталось дождаться решения парламента Нидерландов, направить весь комплект документов в соответствующие структуры альянса, получить официальное приглашение от Х.Соланы и ратифицировать это приглашение в польском парламенте. Теоретически все процедуры можно закончить в течение нескольких недель. Причем в таком, ускоренном варианте решения вопроса заинтересована не только Польша, но и другие страны-претенденты - Венгрия и Чехия. Именно поэтому главы правительств названных стран провели осенью этого года встречу в Будапеште, где согласились оживить почти угасшую деятельность Вишеградской группы с целью активизировать процессы интеграции членов этой группы в европейские структуры.

Однако, несмотря на все усилия польских политиков, "ускоренный вариант" вступления в НАТО может не состояться. Причем по причинам достаточно серьезным и вряд ли быстро устранимым. Суть проблемы состоит в неготовности польских вооруженных сил стать составной частью натовской военной структуры. Нелегко идет процесс реализации принятой еще правительством В Чимошевича программы "Армия 2012г.", имеющей

целью модернизацию польских вооруженных сил. Эта программа, несколько видоизмененная ныне действующим правительством, предполагает, что к 2000г. польская армия должна быть реформирована, сокращена до 180 тыс. человек (сейчас - 220 тыс.), из которых 55% военнослужащих будет профессионалами. Предполагается новая система материального обеспечения и обучения личного состава, серьезное техническое переоснащение армии.

Последнее требует не только доброй воли и энтузиазма, но и значительных средств. Тем более, что нынешнее состояние технической оснащения и вооружения польской армии далеки от идеала. Между тем, доля бюджетных средств, выделяемых на нужды обороны в последние годы, не растет, а напротив - сокращается. В результате, с 1989г. фактически прекратился процесс комплексной модернизации средств, находящихся на вооружении в польской армии. Почти приостановлена закупка новой военной техники как отечественного, так и зарубежного производства. Сведена до минимума закупка импортных частей к военной технике. Лишь на треть удовлетворяются потребности вооруженных сил в ремонте техники и вооружений. Весьма затруднена научно-исследовательская работа в оборонной отрасли.

Озабоченность высших военных чинов вызывает несоответствующий современным требованиям уровень авиации, а уровень польского ВМФ адмирал А. Лукасик, командующий военно-морскими силами страны, назвал "фатальным".

Для вхождения в военные структуры НАТО Польша должна решить целый ряд неотложных задач. Среди них - приспособление аэродромов и портов к принятию войск союзников, приведение системы наземного контроля и наведения в соответствие с требованиями НАТО, подготовка воинских контингентов к участию в силах быстрого реагирования, внедрение в авиацию электронной системы идентификации "свой-чужой" и т.д.

Для всего этого нужны деньги. Бюджет 1998г. и предполагаемый бюджет 1999г., по мнению некоторых военных, явно недостаточен (хотя в следующем году предполагается выделение дополнительно, из резерва, 623 млн. злотых). Определенное несоответствие технического состояния вооруженных сил современным требованиям мешает Польше проявить свою полную лояльность политике НАТО и засвидетельствовать таковую участием в вооруженных акциях альянса, в частности в Югославии. Лишь отсутствие необходимых самолетов помешало польской авиации принять участие в подготовке бомбовых ударов по Югославии.

Вместе с тем, даже если Польша не сумеет вовремя решить все стоящие перед ней "военные задачи", это не воспрепятствует ей быть принятой в НАТО в установленные сроки (то есть в апреле 1999г.). Однако, это будет не совсем то полноправное участие в

альянсе, к которому стремится руководство страны.

◆ ◆ ◆

Редакционный совет:

В.А.Виноградов, Ю.П.Давыдов,
А.В.Загорский,
Т.Г.Пархалина (*главный редактор*),
Ю.С.Пивоваров, А.И.Фурсов,

Т.В.Нестерова
(ответственный секретарь)

М.Б. Шнайдерман
(компьютерная верстка и дизайн)

Бюллетень публикуется ИНИОН РАН при поддержке Бюро информации и прессы НАТО с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в евро-атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН или НАТО.

© ИНИОН РАН Центр документации НАТО по вопросам европейской безопасности, 1998
Бюллетень рассылается по бесплатной подписке. Заявки направлять по адресу:
117418, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21,
Fax: (095) 420-2261, 128-7988, Телефон: (095) 128-7988; 128-9344
E-mail: parkhalina@inion.ru <http://www.inion.ru>